

СМЕШНЫЕ ДЕТЕКТИВЫ

Наталья Александрова

Пролетая
над пучком
петрушки

Наталья Николаевна Александрова
Пролетая над пучком петрушки
Серия «Следствие
ведут Лола и Маркиз»
Серия «Смешные детективы»

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=28725840

Александрова, Наталья Николаевна. Пролетая над пучком петрушки:

Э; Москва; 2018

ISBN 978-5-04-090932-2

Аннотация

Только подумать, что любовь творит с людьми и даже с воронами! Вот, пожалуйста, ворона Карина, та, что живет на ели у Лолы под окном, – сыр ее больше не интересует, тем более что ее любимый пармезан все равно под санкциями. Своему ненаглядному Перришону, Лолиному попугаю, Карина от полноты чувств приносит то страничку глянцевого журнала, то самые настоящие золотые часы. И как раз из-за этих часов, стянутых у рассеянного антиквара, такое начнется – честное слово, проще слетать в Швейцарию за контрабандным пармезаном!..

Наталья Александрова

Пролетая над пучком петрушки

© Александрова Н. Н., 2018

© Оформление. ООО «Издательство «Э», 2018

* * *

Кеша галантно открыл дверцу, помог девушке выбраться на тротуар.

– Вот здесь я живу! – Она кивнула на красивый подъезд, украшенный лепниной, в которой стыдливо пряталась камера видеонаблюдения. – Может, зайдешь выпить кофе? Или что-нибудь другое? У меня много чего есть.

На такое откровенное приглашение Кеша, как настоящий джентльмен, мог ответить только согласием. Впрочем, на что-то подобное он и рассчитывал.

Эту девицу он подсадил полчаса назад, проезжая мимо ночного клуба. Кадр был что надо – ноги от ушей, волосы до попы, круглые голубые глаза, не обезображенные интеллектом, аппетитный бюст. Само собой, увидев на ночной улице такое чудо, Кеша не смог проехать мимо. Правда, когда красавица села к нему в машину, он заметил на ее безымянном

пальце обручальное кольцо.

Сейчас он невольно скосил глаза на него.

Девушка перехватила его взгляд, усмехнулась:

– Насчет мужа беспокоишься? Забудь. Он по делам улетел в Штаты, вернется не раньше среды.

– Если так, я всей душой! – обрадовался Кеша.

Через пять минут она открыла дверь, пропустила его и щелкнула выключателем.

– Хорошо устроилась! – одобрил Кеша, оглядев просторный холл, освещенный хитро спрятанными в потолке лампами. В приглушенном свете тускло отсвечивал узорный паркет, белели в нишах мраморные статуи.

– Это все дешевка, новодел! – Девушка сбросила туфли, прошлепала босиком к полукруглой арке, обернулась и, сладко потянувшись, промурлыкала: – Проходи в спальню, зайчик, я сейчас приду! Что тебе принести из выпивки?

– Водку с мартини, смешать, но не взбалтывать, – процитировал Кеша классику.

– Тебя случайно зовут не Джеймс Бонд? – хихикнула она. – Ладно, будет тебе водка с мартини.

– Эй, а где у тебя спальня? – спросил Кеша удаляющуюся спину.

– Вон там! – Она неопределенно махнула рукой на северо-запад.

Кеша отправился в указанном направлении, миновал несколько роскошно обставленных комнат непонятного на-

значения и наконец обнаружил просторное помещение с зеркальным потолком. Пол был застлан шкурой белого медведя. В середине комнаты стояла огромная кровать в форме сердца. Похоже, именно это и была спальня.

Приключение обещало быть интересным.

Кеша быстро разделся и юркнул под розовое кашемировое покрывало, под которым обнаружились черные шелковые простыни.

Вскоре в дверях появилась хозяйка.

Она успела переодеться – если, конечно, можно назвать одеждой короткий розовый халатик и розовые домашние туфельки с пушистыми помпонами. В руках у нее был поднос с двумя бокалами.

– Уже устроился? – проворковала она. – Молодец! Вот твой martini...

Она поставила подносик на пол возле кровати. Халатик распахнулся, и Кеша с удовольствием увидел, что под ним ничего нет, кроме самой хозяйки.

Красотка непринужденно сбросила халатик, нырнула под одеяло и всем телом прильнула к Кеше.

На какое-то время он забыл обо всем на свете.

Опомнился Кеша от того, что в спину воткнулось что-то холодное и твердое. Неловко повернувшись, он вытащил из-под простыни большой черный пистолет.

– Это что такое? – выдавил он, тупо глядя на собственную руку.

– Это мой пистолетик. – Она стыдливо опустила ресницы. – У каждой девушки должно быть оружие, правда? В наше время так много плохих людей!

– Ничего себе пистолетик.

– Но я люблю все большое! – Она хихикнула, укусила его за мочку уха и прошептала: – Да брось ты его. У меня вот какая идея...

Идея оказалась очень интересной, и Кеша снова надолго потерял счет времени.

На этот раз его отвлекло от постельных забав более существенное событие.

– Я смотрю, вы очень неплохо проводите время!

Кеша повернулся на голос и увидел на пороге спальни рослого широкоплечего мужчину в твидовом пиджаке, с бритой наголо головой и маленькими злыми глазами.

Он ойкнул, натянул на себя простыню и дрожащим голосом спросил у неугомонной партнерши:

– Это еще кто?

– Где? – Она повернулась и побледнела. – Вася, – забормотала она, пытаясь спрятаться за Кешину спину, – Васечка, это совсем не то, что ты подумал!..

– Да? – бритый мужик ухмыльнулся. – Надо же, не то! Вы, наверное, разрабатываете дизайн-проект нового загородного дома? Или обсуждаете модели причесок?

– Это что, муж? – шепотом спросил Кеша. – Ты же говорила, что он вернется только в среду.

– Отстань, дурак, не до тебя! – отмахнулась от него красotka и снова залебезила: – Васенька, родной, это вышло случайно, сама не понимаю как. Это больше не повторится.

– Конечно, не повторится, – согласился бритый как-то подозрительно спокойно. В следующую секунду он наклонился и что-то поднял с пола, точнее, с медвежьей шкуры.

Кеша с ужасом разглядел тот самый пистолет, который он собственноручно отшвырнул куда-то вниз.

– Вася, положи его! – истерически выкрикнула девица. – Ты же не хочешь...

– Именно хочу, – рявкнул муж, – мне это надоело! Надоело каждый раз находить в твоей постели каких-то ублюдков. Я покончу с этим раз и навсегда!

Черный пистолет полыхнул огнем, и на простыне, прикрывавшей наготу красотки, расплылось красное пятно. Кеша скатился с кровати и отполз в дальний угол, в ужасе ожидая следующего выстрела.

Бритый, однако, не торопился его убивать.

Он посмотрел на Кешу с брезгливой усмешкой и процедил:

– А ну выметайся отсюда, пока жив!

– Да, я сейчас, я мигом, меня уже нет, – залепетал Кеша, второпях собирая одежду. Уже в дверях он оглянулся и увидел белое, безжизненное лицо красотки и залитую кровью смятую постель.

– Пошел вон! – рявкнул бритый, и через секунду Кеша уже

скакал на одной ноге по коридору, пытаясь на ходу натянуть брюки.

Еще через секунду он был на улице. Брюки он кое-как надел, рубашку торопливо застегнул и даже сумел отдышаться. Перед глазами, правда, все еще стояло белое, как мел, лицо и залитые кровью шелковые простыни.

Кеша вдохнул холодный ночной воздух и прикрыл глаза.

Может, ему все это померещилось? В конце концов, он видел эту женщину один раз в жизни и даже не успел спросить, как ее зовут.

Он уже подошел было к своей машине, как вдруг его окликнули:

– Иннокентий Антонович, можно вас на два слова?

Кеша вздрогнул.

Вопрос прозвучал из темной машины с опущенным стеклом, откуда выглядывал седой человек в неуместных ночью черных очках.

– В чем дело? – испуганно спросил Кеша.

Хотелось поскорее уехать и забыть ужасные события сегодняшней ночи, но что-то в голосе этого типа заставило его застыть на месте. И еще то, что он назвал его по имени и отчеству.

– Сядьте в мою машину, – приказал незнакомец не допускающим возражений тоном.

– Почему в вашу? Зачем в вашу? – забормотал Кеша. – У меня своя есть.

Но ноги сами уже несли его к темной машине. Через секунду Кеша осознал себя сидящим на пассажирском месте рядом с мрачным типом.

– Хорошо повеселились? – поинтересовался тот бесцветным голосом.

Кеша не ответил, да его ответ и не имел значения.

На какое-то время в машине воцарилось молчание. Наконец Кеша не выдержал:

– Что вам от меня нужно? Откуда вы знаете, как меня зовут?

– Я не только это знаю, – охотно ответил седой. – Я знаю даже, где вы проведете остаток своей жизни.

Кеша понимал умом, что нужно помалкивать, но удержаться не мог.

– Где же? – спросил он испуганно.

– На зоне, Иннокентий Антонович, на зоне! – жизнерадостно ответил незнакомец. – Правда, могу вас утешить – это продлится недолго. Не потому, что вас выпустят по условно-досрочному. Просто вы долго там не протянете.

– По... почему?

– Потому что вы, Иннокентий Антонович, уж простите за прямоту, слабак. На зоне вас быстро сломают. Знаете, как поступают там с такими, как вы?

– Я не о том. – Кеша сглотнул и попытался взять себя в руки. – За что меня посадят? Я не совершил ничего противозаконного.

– Как за что? – Незнакомец изобразил искреннее недоумение. – За убийство, конечно.

– Какое убийство? Я никого не убивал!

– Уж конечно. – Незнакомец усмехнулся. – Только что в этом самом доме вы убили свою случайную знакомую Алису Сергеевну Петуховскую.

– Да никого я не убивал! – заверещал Кеша и сделал попытку выбраться из машины. – Это меня чуть не убили, а я... я даже не знал до этой минуты, как ее зовут!

– Сидите! – прикрикнул на него седой. – Сидите, если не хотите загреметь на зону. На месте преступления сотни ваших отпечатков. А самое главное – ваши пальчики остались на орудии убийства.

Кеша похолодел: он вспомнил, что действительно держал в руках чертов пистолет.

– Кажется, до вас дошло, – удовлетворенно констатировал его собеседник. – Значит, вы готовы к серьезному разговору.

– К разговору? – окончательно растерялся Кеша.

Неожиданно перед ним забрезжила надежда. Если этот страшный человек собирается с ним о чем-то говорить, значит... значит, не все потеряно? Неужели есть шанс остаться на свободе?

– Совершенно верно. – Седой как будто прочитал его мысли. – У вас есть еще шанс.

– Говорите! – выдохнул Кеша. – Только прошу: снимите очки, а то мне как-то неуютно.

Незнакомец хмыкнул, придвинулся к нему и сдернул очки. Полыхнули глаза – такие яркие, как будто в них горели два раскаленных угля.

– Что я должен сделать? – пролепетал Кеша.

– Вот это наконец разговор, – удовлетворенно кивнул седой. – А то «не убивал», «не совершал ничего противозаконного» – слушать противно. Да нет человека старше трех лет, который не совершил бы ничего противозаконного.

– Только можно попросить вас, – Кеша вжался в сиденье, – надеть очки?

– То снять, то надеть. Ладно, бог с вами! – Резким движением он набросил очки и перешел к сути: – Вы бываете дома у Андрея Януарьевича Хвалынского.

– Бываю, – пролепетал Кеша. – Но позвольте, при чем здесь Андрей Януарьевич?

– Будьте любезны, не перебивайте, – разозлился седой. – Если хотите остаться на свободе, нужно сделать вот что...

Он понизил голос и говорил довольно долго.

По мере того как он говорил, Кешины брови удивленно поднимались все выше. Наконец седой замолчал.

– Но если я это сделаю, – выдохнул Кеша, – где гарантия, что вы оставите меня в покое?

– Очень просто. В обмен на ту вещь, которую вы принесете мне от Хвалынского, получите пистолет со своими отпечатками. Дальше можете поступить с ним, как заблагорассудится.

В голосе страшного собеседника Кеше почудилась насмешка. В его несчастной голове мелькнула мысль, что этот тип запросто может обмануть, но сил сопротивляться не было.

– Я согласен! – выпалил Кеша и выскочил из машины.

– Это черт знает что! – со слезами воскликнула Лола. – Нет, ты только посмотри на это безобразие!

– Что там еще? – проворчал Леня Маркиз и нехотя поднялся с дивана. – Снова тебе нейдет?

На дворе была ранняя осень. Солнце изредка показывалось на небосклоне, деревья стояли в золотом уборе, но, при всем очей очарованье, пора была все же унылая, и Леня имел полное право на легкое недовольство жизнью. Еще и шею где-то продуло, словом, самое милое дело поваляться в выходной на диване в тепле и попить чаю с лимоном. Ага, дождешься от нее, как же. Воды простой, и той не допросишься.

Леня тяжело вздохнул и поплелся в гостиную, откуда раздавались Лолины негодующие вопли и лай Пу И.

Леня Марков, известный в специфических кругах под аристократическим именем Маркиз, захандрил по той причине, что в делах его наметился некоторый застой. В июле-августе он не волновался: лето. Все Ленины клиенты, те самые господа, кому для деликатных поручений требовался ловкий неболтливый человек, способный решить проблему быстро, без шума и насилия, а также по возможности не при-

влекая внимание полиции и других подобных структур, были людьми обеспеченными. Другие к нему не обращались, поскольку гонорары за услуги Маркиза представляли собой суммы астрономические. В августе такие люди делами не занимались, разве что в экстренных случаях.

Однако прошел август, минул сентябрь, пролетели первые дни октября, а специальный мобильник для связи с клиентами молчал. Леня начал беспокоиться: уж не распускает ли кто о нем порочащие слухи? Собственной репутацией в деловых кругах он очень дорожил.

Можно было, конечно, не ждать у моря погоды, а обдумать какую-нибудь операцию и, пока суд да дело, с блеском ее проверить. Ведь Леня Маркиз был мошенником – королем мошенников, аферистом высшей лиги и комбинатором экстра-класса. Без ложной скромности он иногда напоминал, что некоторые его операции вошли бы в учебник для начинающих мошенников. «Если бы кому-нибудь пришло в голову такой учебник издать», – ехидно добавляла в таких случаях Лола.

Лолу Леня нашел буквально на улице – не потому, что она там жила, а случайно. Они прекрасно дополняли друг друга. Лола была актрисой, стало быть, умела перевоплощаться. Театр она бросила – из-за собственной лени, как утверждал Маркиз. Теперь она занималась исключительно тем, что воспитывала Леню и помогала ему в трудной работе. Хотя работы-то как раз и не было.

Ни единого звонка от клиентов и никаких мыслей по поводу предстоящих грандиозных операций. Леня прикидывал так и этак, прокручивая в уме различные комбинации – все выходило не то.

Он пребывал в подавленном состоянии. Потому, наверное, и шея болела – известно же, что все болезни от нервов.

Зато Лола была довольна. В кои-то веки ее не дергают, не заставляют представляться то старухой-нищенкой, то уборщицей, то официанткой. С превеликой радостью она окунулась в заботы о собственной внешности и в воспитание ненаглядного чихуахуа по кличке Пу И. Песику, как обычно, доставалась вся ее нежность.

В прихожей Лене навстречу выкатился угольно-черный котище. Кот был большой и пушистый, с белой манишкой на груди. Это сокровище Леня подобрал на лестнице их дома, когда у кота как раз намечался весьма скверный период жизни. Он получил имя Аскольд – в честь старого Лениного учителя, который погиб незадолго до этого. Иногда у кота появлялось такое выражение, что Леня всерьез задумывался о переселении душ.

– Аскольдик, – страдающе спросил Леня: шея при неудачном повороте головы снова отозвалась болью. – Что они там еще придумали?

Аскольд дернул головой, как будто давал понять: «Не спрашивайте ни о чем, оставьте меня в покое, сами разбейтесь!» И ушел.

Леня вздохнул и открыл дверь в гостиную.

Гостиная у Лолы была оформлена в теплых тонах. Персиковые обои, натуральный светлый паркет, мебель под орех и золотистые переливчатые занавески.

Благодаря такому интерьеру комната казалась залитой светом, даже когда за окнами не было солнца. Еще Лола любила возиться с комнатными растениями: в углу стояли огромный фикус, вьющаяся лиана и какой-то цветок без названия, который по весне выпускал дудку с гроздью розовых колокольчиков размером с кофейную чашку. Сейчас цветок скучал, голый и поникший.

– Ты только посмотри на это! – заорала Лола, увидев компаньона.

На широком подоконнике между кактусом и отцветающей азалией сидел большой разноцветный попугай. Попугай принадлежал к семейству ара и был очень красив. В позапрошлую зиму в морозном феврале он влетел в открытую форточку и остался у них жить. Лола, конечно, развесила в квартале объявления, мол, найден говорящий попугай, но никто на ее призыв забрать свое не отозвался. Леня утверждал, что это неспроста и что хозяева попугая сознательно не хотят брать его назад, потому как птица наглая и противная.

Сердобольная Лола и слышать не хотела, чтобы отдать попугая в детский уголок или в зоопарк. Птицу решили оставить в качестве еще одного питомца. Красавца называли Перришоном.

Тут-то компаньоны хлебнули лиха. Попугай оказался совершенно невыносим. Он расклевывал семечки и сыпал шелухой пол в кухне. Он опрокидывал свою мисочку с водой на голову проходящих хозяев. Он выражался нецензурными словами и обзывался по всякому поводу и без повода. Пу И он подучивал разным хулиганским штучкам. Кота Перришон побаивался – тот, если его разозлить, мог и перья из хвоста повыдергать. Пока Аскольд предпочитал не вмешиваться и сразу дал понять Лоле, что присматривать за наглой птицей не нанимался.

Когда попугай понял, что из дома его не выгонят, он обнаглел окончательно и взял моду гадить на Ленины убийственно дорогие пиджаки. Правда, Лола пыталась утверждать, что делает он это исключительно из любви к порядку. Дескать, она, Лола, никак не может заставить Леню убирать одежду в шкаф, так, может, хоть Перришон сумеет его перевоспитать.

В результате от Маркиза попало всем, даже коту, а Перришону просто пообещали свернуть шею и зажарить.

Понемногу в квартире установилось перемирие. Звери хулиганили в пределах нормы, хотя в самую последнюю неделю с попугаем снова начались проблемы.

– Опять, – вздохнул Леня и посмотрел в окно.

Перришон сидел на подоконнике неподвижно, как будто был не живой птицей, а фигуркой наподобие тех гномов или ежей, что устанавливают на дачах. Сейчас он пристально

смотрел в окно.

За стеклом, прямо напротив, на наружном карнизе сидела ворона. Ворона была даже симпатичной – яркие глаза-бусинки и растрепанный хохолок. Она тоже сидела неподвижно и смотрела на попугая долгим влюбленным взглядом.

– Перри, у тебя это так и не прошло? – удивился Леня.

– Дур-рак! – ответил попугай, не отрывая глаз от вороны.

– Вот так вот, – в Лолиных словах слышалась самая настоящая злость, – вот так он теперь разговаривает!

– Это любовь, – констатировал Маркиз, – ничего не попишешь. Лолка, наш попугай влюбился.

Это началось неделю назад. Сначала ворона заняла позицию на дереве напротив окна, затем перебазировалась на карниз. Поначалу она даже что-то каркала, но потом замолчала. Перришон тоже смотрел на нее молча. Эти взгляды были так красноречивы, что Лола закрыла в доме все окна, оставила только малюсенькие щелочки. Влюбленные не могли соединиться и от этого страдали. Ворона покаркала немного и улетела. И вот теперь явилась снова.

– Я этого не вынесу, – простонала Лола. – Сделай же что-нибудь! Видеть не могу эту уродину! Ой!

Попугай сорвался с подоконника и бросился к Лоле с явным намерением сильно ударить ее клювом, так что она едва успела закрыться руками.

– Перри, она пошутила! – Маркиз отогнал попугая. – Лолка, следи за словами, ты же оскорбляешь чужие чувства!

– Кар-ра, – нежно проворковал попугай, вновь взгромоздившись на подоконник. – Кар-рина хор-рошая...

– Красивое имя, – одобрил Леня, подсаживаясь рядом.

Пришлось слегка сдвинуть азалию, на что Лола негодуяще зашипела – прямо как кот Аскольд, когда наступят на хвост.

– Была у меня одна знакомая Карина, – мечтательно продолжил Маркиз. – Такая, знаешь, фигуристая. – Он нарисовал в воздухе нечто напоминающее восьмерку.

Лола фыркнула, но Маркиз махнул ей за спиной – не мешай, мол, отойди в сторонку, здесь мужской разговор.

– В принципе как мужчина мужчину я могу тебя понять, – вел свое Маркиз. – Но, видишь ли, Перри, дружище, ваша любовь обречена. У вас нет будущего.

Попугай посмотрел удивленно и захлопал крыльями. Ворона за окном сделала то же самое.

– Ты хочешь сказать, что вы оба птички? – догадался Леня. – С одной стороны, да, есть по два крыла и клюв. Но, как бы это сказать, я в зоологии не силен... Словом, в общих чертах это выглядит так, как если бы Пу И влюбился в белую медведицу!

– Господи! – Лола схватила за сердце и плюхнулась на диван.

– Кр-ретин! – рывкнул попугай, после чего повернулся к своей возлюбленной и закаркал что-то нежное.

– Вот видишь, – угрюмо констатировала Лола. – Он ниче-

го не слышит, он даже каркать научился.

– Так открой окно, пускай летит на крыльях любви! – Леня до того обиделся на «кретина», что сам себя не слышал.

– Да ты что! – испугалась Лола. – Скоро холода, а попугай – птица южная, он же замерзнет. И потом, Ленечка, я совсем не уверена, что он хочет улететь. Скорее она, эта нахалка, хочет влезть в нашу семью.

– Угу, готовится совратить нашего невинного мальчика, – поддакнул Леня. – Лолка, в тебе проснулась свекровь.

– Что же, прикажешь свадьбу им устроить? – окончательно разозлилась Лола. – Купить невесте белое платье и фату? Ворона в фате – это будет нечто!

– Не расстраивайся, – Маркиз примирительно погладил боевую подругу по плечу, – я уверен, у них это скоро пройдет, и будем жить по-прежнему.

– Твоими бы устами, – простонала Лола и ушла в ванную: освежающий душ всегда помогал ей поднять настроение.

Маркиз понял, что чаю с лимоном ему в этом доме сегодня не дадут, и решил сам позаботиться о себе. Перед уходом он сделал щелочку в окне чуть шире.

– Пролететь не пролезешь, но хоть поцелуетесь, – сказал он вороне.

Показалось или нет, что она ему подмигнула?

Кеша припарковал машину не во дворе, а на улице. Ему было неудобно. После разговора позапрошлой ночью со страшным незнакомцем в черных очках Кеша потерял сон

и аппетит. Он вздрагивал от шагов, если они раздавались сзади, а когда вчера на лестнице их дома сосед подошел неслышно и дружески хлопнул Кешу по плечу, то едва не упал в обморок.

В витринах магазинов ему мерещились страшные рожи, которые гримасничали и насмехались над ним. Спина у Кешки каменела, казалось, что ее неустанно сверлит чей-то недобрый взгляд. Нет, он прекрасно знал, чей – того неприятного типа, что пугал его приговором и зоной за убийство, которого Кеша не совершал.

«А ты докажи!» – звучал в ушах ненавистный пугающий голос, и Кеша понимал, что выхода нет. Нужно сделать то, что велел этот человек, только тогда у него появится слабая надежда избежать зоны.

А сделать нужно было вот что – зайти в гости к Андрею Януарьевичу, взять у него золотые часы в форме луковицы и отдать их тому человеку.

Кеша даже в мыслях избегал слова «украсть», хотя именно это ему и велел сделать тот человек. В конце концов он решил выбрать меньшее из двух зол: лучше быть вором, чем сидеть за убийство, которого не совершал.

С детства Кеша считался мальчиком из приличной семьи. Эта приличная семья включала маму, бабушку и кота Василия. Отца Кеша помнил плохо. Он оставил их с мамой, когда самому Кеше не было и трех лет. Это бабушка так выражалась – «оставил». Не бросил, не сбежал, не ушел к дру-

гой женщине, а именно оставил. Бабушка всегда прибегала к этому слову, и Кеше в детстве представлялось, что они с мамой сидели в большом пакете, и папа оставил его на вокзальной скамейке, торопясь на поезд.

Надо сказать, такие видения посещали его недолго. Отец уехал куда-то в другой город и время от времени присылал оттуда деньги. Бабушка никогда отца не ругала, но если заходила о нем речь, ее голова вскидывалась, отчего взгляд получался надменным, а острый подбородок торчал вперед слишком воинственно. Кеша уже знал, что таким образом бабушка выражает пренебрежение. Еще он с детства запомнил слово «мезальянс». Так бабушка называла брак дочери, беседуя за чаем со старинными подругами и думая, что Кеша ее не слышит.

– Взяли в приличную семью, – ахали подруги, – без роду, без племени, а он... – Дальше они укоризненно качали головами.

В конце концов Кеша не выдержал и спросил у матери, что все-таки отец сделал такого, что бабушка его так ненавидит. Мама повела себя странно. Вместо того чтобы ответить на четко заданный вопрос, она затряслась, потом зарыдала и даже начала биться головой о стену. Прибежала бабушка, плеснула на нее водой, потом обняла и повела на диван. Мама долго еще кричала на бабушку, что та испортила ей жизнь. Бабушка отвечала тихо и с достоинством, но что именно – Кеше было плохо слышно из-за закрытой двери.

Маминой реакции он испугался и больше уже никаких вопросов не задавал.

Мама много работала, Кешиним воспитанием занималась бабушка. Она водила его по музеям и театрам, заставляла читать умные книжки. Телевизор в доме был подвергнут остракизму, о компьютере бабушка и слышать не желала. Кеша пошел в школу поздно, поскольку был маленьким, болезненным и худосочным – бабушка не одобряла спорт и закаливание. Она по-прежнему вела его по жизни железной рукой, критиковала приятелей и часто беседовала с учителями. Учился Кеша неважно, с ленцой, из класса в класс переползал главным образом благодаря бабушкиной неустанной заботе.

Мама много ездила в командировки, чаще всего в Москву. Лет в тринадцать Кеша снова подслушал ее серьезный разговор с бабушкой.

– Ты пригласи его на чай, – говорила бабушка, – или на обед. Хочу на него посмотреть.

– Ни на чай, ни на кофе, ни на обед, ни на ужин! – отвечала мама зло. – Ты думаешь, я такая дура, что не усвоила урок? С меня хватило первой попытки. Больше я ни за что не совершу такую глупость – знакомить тебя с человеком, которого люблю!

– Тот был тебе не пара! – занервничала бабушка. – Это был...

– Конечно, мезальянс, – издевательски парировала ма-

ма. – А тебе не приходило в голову, что в своих непомерных амбициях ты лишила ребенка отца?

– Ты тоже не слишком принимаешь участие в его воспитании, – отрезала бабушка.

На миг Кеше стало жалко бабушку. Она постарела, сгорбилась, у нее уже не получалось, как раньше, вскидывать голову и надменно смотреть на любого, кто перед ней. Но стоило ей начать перечислять Кешины мелкие хулиганства, как ему стало скучно, и он улепетнул из дому, пока не засадили за уроки.

Школу Кеша окончил весьма посредственно, и мама схватилась за голову. Нужно было срочно куда-то пристраивать этого оболтуса.

С такими оценками нечего было и думать о приличном институте. Здесь и наступил бабушкин звездный час.

Она потрясла кое-какие старые связи и пристроила Кешу в Институт культуры на библиотечное отделение.

– Там же одни девчонки! – рассмеялась мама.

Оказалось, что нет. На курсе было несколько таких же охламонов, как Кеша, чьи родители слишком поздно поняли, что ребенка запросто могут забрать в армию, если его немедленно не пристроить хоть куда-то.

В «Кульке» Кеша и познакомился с Андреем Януарьевичем Хвалынским. Выяснилось, что когда-то давно Андрей Януарьевич был знаком с бабушкой. По ее рассказам выходило, что он даже был в нее влюблен – невинной детской

влюбленностью, потому как сам он был гораздо моложе. Не то он оказывался братом ее подруги, не то племянником ее соседки – Кеша не вникал в эти подробности. Важно было, что Андрей Януарьевич сделал научную карьеру и преподавал в Институте культуры историю печатной книги и древних рукописей.

Пристроив Кешу в институт, бабушка посчитала свою жизненную задачу выполненной, стала прихварывать, резко постарела и через некоторое время тихо умерла ночью во сне. Она оставила письмо для мамы, где просила прощения за все, а еще денежный вклад, который завещала Кеше.

Мама поплакала над письмом, а после похорон объявила Кеше, что выходит замуж и переезжает в Москву. Кеша такой поворот событий только приветствовал, поскольку мама обещала содержать его до конца учебы.

Андрей Януарьевич его опекал и отличал от других учеников, ведь Кеша был мальчиком из приличной семьи. Делал он это ради памяти бабушки, а не потому, что Кеша был старательным студентом. Учился он и здесь с ленцой, ему было скучно, но приходилось иногда сопровождать профессора Хвалынского домой и слушать его долгие разговоры.

Профессор хотел иметь учеников и последователей, старался сплотить в кружок своих почитателей из числа студентов и аспирантов. Увы, из этого ничего не получалось: профессор был неизлечимым занудой. Возможно, он любил свой предмет, несомненно, что он знал его досконально, но

лекции его были скучны, как железнодорожное расписание. Он не умел увлечь аудиторию, так что даже самые положительные девочки-отличницы признавались, что от его монотонного голоса у них болят зубы.

Когда Кеша с горем пополам окончил институт, профессор рекомендовал его в одно солидное научное издательство. Кеша был благодарен и за это – с его дипломом можно было найти работу только в районной библиотеке.

Мама резко урезала субсидию, правда, ее муж подарил Кеше на окончание института свою старую машину.

Денег катастрофически не хватало. Кеша продавал бабушкины безделушки и книги – некоторые оказались редкими. К Андрею Януарьевичу он тоже наведывался ради приработка – тот время от времени поручал съездить оценить кое-что из книг. Старик тоже жил бедновато, но тщательно скрывал, что продает вещи и книги. Кеша немного жульничал и брал себе больше, чем оговоренные комиссионные.

Но все это было каплей в море. Старик был одинок, его замужняя дочь жила в Штатах. С зятем он не очень ладил, поэтому и не хотел переезжать к ним. Зато квартира профессора была буквально набита антиквариатом. Правда, сам Хвалынский утверждал, что по-настоящему ценных вещей у него нет, просто эти безделушки дороги ему как память. Кеша подозревал, что Андрей Януарьевич говорит так нарочно – из опасения, что ограбят.

Профессор радовался его приходу, и Кеша иногда мечтал,

что вот старик умрет и оставит все ему: квартиру, мебель, книги. Он все это продаст и заживет по-человечески. Сколько раз он с сожалением выпускал из рук какую-нибудь мелкую вещицу – бронзовую статуэтку, фарфоровую табакерку, эмалевую рамочку для фотографий, когда так хотелось сунуть их в карман! Что делать с такой мелочью, было очевидно – продать знакомому перекупщику и прогулять эти деньги в ресторане или в клубе.

Вспомнив о ночном клубе, Кеша поежился. Именно там позавчера началась полоса неудач. Черт дернул его подсадить ту девицу! Если бы не она, ничего бы не случилось, и Кеша не встретился бы с тем страшным человеком с горящими глазами.

Мелькнула вдруг какая-то свежая мысль, но Кеша не успел ее поймать – снова захлестнул страх перед тем типом. Нужно скорее отдать ему часы, тогда Кешу, может быть, оставят в покое. Он и так уже извелся за эти два дня. Андрей Януарьевич вчера не смог его принять – у него, видите ли, был массаж. Одной ногой в могиле, а туда же, массаж ему подавай.

Кеша решительно нажал кнопку домофона.

– Заходите, Иннокентий! – Профессор всегда обращался к нему на «вы».

В квартире все было по-прежнему. Кеша обул мягкие войлочные тапки и прошел вслед за хозяином в кабинет – поговорить, обменяться свежими новостями.

Обмен новостями обернулся, понятное дело, нескончаемым монологом Хвалынского. Он вспоминал молодость, хвастал знакомством с известными людьми, рассказывал, как удалось найти тот или иной раритет.

Кеша делал вид, что слушает, и старался сохранить заинтересованное выражение, а сам сжимал челюсти, чтобы не дай бог не зевнуть. Все истории выходили у профессора скучными, как вареная морковка. Кеша с детства не терпел ее в супе.

Наконец, мучения закончились. Профессор сделал вид, что вспомнил о времени, а Кеша – что ему жаль прерывать такой интересный разговор. Профессор сказал, что так просто гостя не отпустит, обязательно напоит чаем, и устремился на кухню.

Кеша глубоко вдохнул и подошел к старинному бюро красного дерева. Резной бронзовый ключ гостеприимно торчал в замке. Откинув крышку, Кеша уставился на множество маленьких ящичков, в которых, как он знал, профессор хранит всякие мелочи. Если эти часы-луковица на самом деле существуют, лежать они могут только здесь. О том, что он может их не найти, Кеша старался не думать.

Три ряда ящичков по четыре в каждом. В котором из них? Кеша решил действовать планомерно. Он, как сапер, не имеет права на ошибку. Только что профессор проговорился, что через два дня улетает погостить к дочери в Штаты, из чего следует, что следующий Кешин визит откладывается на

неопределенное время.

Верхний правый ящик был набит пожелтевшими конвертами. Не вынимая их, Кеша достал рукой до дна. Ничего, кроме писем.

В следующем лежало четыре колоды старинных карт. Сразу видно, что не то.

Третий был заполнен крошечными шахматными фигурами – только белыми, из слоновой кости. Кеша подивился про себя, для чего профессор хранит неполные шахматы – ни доски, ни черных фигур. Ладно, это тоже не то.

Нижний ящик в этом ряду выдвигался с трудом. Оказалось, мешали шелковые театральные маски. Кеша выпустил облако моли и поскорее задвинул маски обратно.

В четырех ящиках среднего ряда нашлись старые выцветшие фотографии и поздравительные открытки. На открытках были полнотелые красавицы – они нюхали цветы, читали любовные письма или просто сидели на пуфиках, козетках и канаве, погрузившись в сладостные мечты. Часов не было.

Кеша начал волноваться. Нет, он волновался еще до прихода к профессору, а теперь потихоньку запсиховал. Квартира у Хвалынского была большой, звуки из кухни сюда доносились с трудом. Сам хозяин пил чай всегда здесь, в кабинете. Он говорил, что на кухне ест только прислуга. Прислуги у Андрея Януарьевича не было, только соседка приходила убирать раз в неделю. Профессор ее побаивался.

Верхний ящик последнего ряда вывалился сам – оказа-

лось, там сломан упор. По крышке бюро рассыпались какие-то бумажки, Кеша, не глядя, сгреб их и затолкал мятые в ящик.

Следующий ящик он выдвинул осторожно и правильно сделал. Ящик был полон разной мелочи: фарфоровые уточки, деревянные собачки, брошка из слоновой кости, перламутровая камея без застежки. Если бы это добро вывалилось, Кеша его и за час бы не собрал. Без надежды он сунул руку в эту груду барахла и чуть не взвыл от боли. В палец впиалась янтарная булавка.

– Черт, – прошипел он, глядя, как капает кровь. – Черт, черт, черт!..

Что, если он так и не найдет эти часы? Скрываться от полиции, которую на него непременно наведет этот страшный человек с горящими глазами? Уехать к матери в Москву? Глупо, его найдут и там.

В порыве отчаяния Кеша дернул предпоследний ящик и – о, чудо! – сразу видел то, что искал. Вот они – тяжелая золотая луковица на золотой цепочке. Кеша протянул дрожащую руку к часам, когда из кухни раздался голос хозяина:

– Иннокентий, я уже иду!

Кеша в панике схватил часы и задвинул ящик. Потом закрыл бюро и почти сразу услышал шаги профессора за дверью. Он попытался затолкать часы в карман джинсов, но цепочка предательски свисала. Попробовал подобрать цепочку – неловко дернулся, и часы вывалились на пол. Кеша сумел

подхватить их на лету, когда дверь уже открывалась. В какую-то долю секунды он метнулся к окну, закрытому пыльной портьерой, и бросил часы на подоконник, после чего неслышно, благодаря в душе изобретателя войлочных тапок, отпрыгнул на середину комнаты.

– Вот и я! – Андрей Януарьевич поставил поднос. – Все готово.

Кеша с отвращением влил в себя стакан горячего жидкого чая – профессору запрещали пить крепкий, съел два сухаря и зачерствевший соевый батончик. В продолжение всего чаепития он прикидывал, как бы незаметно достать с подоконника часы и унести ноги.

И тут фортуна повернулась к нему самой привлекательной стороной. В дверь неожиданно позвонили. Поскольку звонок был с площадки, а не из домофона, профессор решил, что это соседка, и пошел открывать без опасения.

Ни на минуту не забывая о том, что дверь в кабинет открыта, Кеша подкрался к окну и осторожно отвел портьеру.

Часов не было.

Он поднял портьеру повыше, чтобы тусклый свет из кабинета падал на подоконник. Часов не было. Не веря своим глазам, он провел рукой по давно не крашенному подоконнику, но ничего не обнаружил, только измазался какой-то грязью. Позабыв об осторожности, Кеша полностью раздернул портьеры и оглядел подоконник.

Ничего. Он присел на корточки и пошарил вниз. Загля-

нул за батарею. Часы как сквозь землю провалились. Кеша точно помнил, что положил их на подоконник! Вот сюда, как раз под форточку.

Форточка была открыта: у профессора, по его выражению, пошаливало сердце, постоянно требовался свежий воздух. Возникла безумная мысль, что часы могли вывалиться наружу. Но нет, форточка высоко, а часы ведь не живые, летать не умеют.

– Иннокентий, что вы там делаете? – В дверях возник Андрей Януарьевич.

– Воздухом хотел подышать, – Кеша появился из-за портьеры, – голова что-то разболелась.

Профессор поверил: Кеша в самом деле выглядел бледно. По лестнице он шел, волоча ноги, как будто к ним были привязаны чугунные гири.

«Все кончено, – стучало в мозгу, – теперь мне не жить».

Что он скажет тому человеку, который велел принести часы? Он ждет его в своей машине за углом.

На свежем воздухе Кеша слегка пришел в себя и решил бежать. От подъезда он шагнул в сторону, обогнул дом и оказался у длинного дощатого забора, которым огородили очередной долгострой. Кеша отогнул третью с краю доску и проник на территорию стройки. Этот путь как-то показал ему сам Хвалынский – так можно было порядочно срезать до остановки.

Старый дом давно сломали, до строительства нового ру-

ки пока не дошли. Кеша аккуратно обогнул руины. Это было несложно: местные жители уже протоптали удобную тропинку. Дальше он открыл дверь длинного сооружения, похожего на сарай, проскочил вдоль него и вышел в соседний двор. Двор был запущенный – помойка, ломаные скамейки и два бомжа, отдыхающие под кустиком.

Кеша перевел дух и только было собрался нырнуть в сквозной подъезд, как его схватила сильная рука. Страшный голос прошипел:

– Куда намылился, паршивец?

Это был он, человек в черных очках.

– Решил спереть часы и смыться? – Вторая рука перехватила Кешу у горла. – От меня не убежишь! Где часы?

– Н-нет, – прохрипел Кеша, – они...

– Врешь! – зарычал седой. – Врешь, недоумок! Они были у старика, я знаю! Плохо искал. На зону захотел?

Краем глаза Кеша видел, как бомжи повернули головы в их сторону. Седой между тем обшаривал его карманы, бормоча что-то об очередном обмане и жизни на нарах.

– Помогите! – пискнул Кеша. – Грабят!

За этот крик ему достался сильный удар в живот. Бомжи неторопливо поднялись и потрусили прочь.

– Убивают! – заорал Кеша в отчаянии.

Бомжи припустили быстрее и скрылись за углом. Кеша понял, что жизнь его висит на волоске. Но страшный человек неожиданно успокоился и велел рассказывать. Трясаясь и

заикаясь, Кеша поведал фантастическую историю о форточке. Седой снял очки и внимательно посмотрел на него. Глаза его горели, как два угля. Кеша почувствовал, что сердце сейчас остановится от страха.

Открылась дверь подъезда, и на пороге появилась старуха с ведром.

– Вы чего это здесь? – близоруко прищурилась она.

Кеша неожиданно толкнул седого в грудь и кинулся бежать. Едва не сбил старуху с ног, ворвался в подъезд и выскочил на проспект в другую дверь. Прохожие шарахались от расхристанного парня с дикими глазами, который улепестывал как угорелый, хотя за ним никто не гнался.

О брошенной машине Кеша вспомнил только дома.

С тех пор как Лола безуспешно пыталась перевоспитать попугая, прошло часа полтора. Маркиз напился чаю с бубликами, шоколадными конфетами и вареньем и дремал теперь на диване. Кот мурлыкал у него под боком.

Лола вышла из ванной в чудном настроении и решила не заходить в гостиную, чтобы не расстраиваться. В ее спальне Пу И валялся на кровати, завернувшись в шелковое покрывало цвета увядшего шиповника. Лола пощекотала ему животик, поцеловала в нос. Потом потянулась и осознала, что хочет есть. Готовить не хотелось, и она решила уговорить Леню сводить ее в ресторан.

Она заглянула к нему в комнату, но увидела, увы, только

сонный затылок. Кот Аскольд приоткрыл глаз и просемафорил, что, если нет ничего важного, нечего и беспокоить.

– Фу-ты ну-ты, – фыркнула Лола.

Выходило, что нужно готовить обед. Она потащилась на кухню.

Попугай сидел на холодильнике и плевался ореховой шелухой.

– Перри, ты это нарочно! – горестно воскликнула Лола.

Голову она подняла, под ноги не смотрела и из-за этого чуть не упала. Под ногами у нее лежало что-то небольшое и блестящее. Лола наклонилась, с опаской подняла эту вещь и так и застыла в изумлении. В руке у нее были старинные часы – луковица на цепочке. Сразу было ясно, что часы золотые, уж очень приятно они лежали в руке и поблескивали таинственно. Часы были небольшие, видно, что не новые.

Лола аккуратно подняла крышку. Стрелки застыли на без четверти десять. Цифры четкие, римские, выписаны красиво. По циферблату в произвольном порядке разбросаны крошечные бриллианты. Во всяком случае, на бриллианты было очень похоже.

Лола закрыла крышку и повертела часы в руке. На крышке был затейливый вензель, на обратной стороне – ничего.

Попугай слетел с холодильника и опустился на ее плечо. Когти вцепились так сильно, что Лола вскрикнула:

– Перри, мне больно! Отстань!

От неожиданности она выронила часы. Перришон тут же

спикировал за ними, схватил за цепочку и утащил в клетку.

– Ворюга! – Лола обиженно терла плечо.

– Дур-ра! – привычно отругнулся попугай.

– Леня! – истошно заорала Лола. – Иди сюда!

Лола была хорошей актрисой – в свое время это признавали и режиссеры, и критики, и даже коллеги по артистическому цеху. Ей прекрасно удавались слезы и вздохи, не говоря уже о том, какой мастерицей она была по части всевозможных выразительных взглядов. Еще у нее в запасе имелся внушительный арсенал разных криков и восклицаний. Она умела жалобно звать о помощи, как Белоснежка, заблудившаяся в лесу, покрикивать, уперев руки в бока, как барыня из «Муму». Само собой, ей ничего не стоило вскрикнуть «ах» и грациозно упасть в обморок без грохота и поломанных конечностей.

Еще она умела визгливо орать – это требовалось для создания образа плохой жены или базарной бабы. Но с таким же искусством она воздевала руки и горестно зывала к небесам, как героини греческой трагедии.

Все это Леня Маркиз прекрасно знал и все равно никогда не мог сказать наверняка, играет его подруга в эту минуту или нет. Сейчас Лолин вопль был настолько грозным, что Маркиз скатился с дивана и прибежал на кухню в одних носках.

– Что снова случилось? Ты жива?

– Посмотри, что у него в клетке! – ледяным голосом ве-

лела Лола.

– Да что у него может быть, – заворчал Леня. – Знаю, нужно почистить. Давно собирался, только я этим и занимаюсь... Ой, что это?

– Это я тебя хотела спросить, что это. Откуда у нас в доме эта вещь? Ты купил эти часы?

– В жизни их не видел, – чистосердечно признался Маркиз, – забавная вещица...

Попугай выскочил из клетки и негодуя захлопал крыльями.

– Перри, где ты это взял? – Леня обратился к нему.

– Подар-рок, подар-рок, – проворковал попугай.

– Кто же тебе подарил такую отвратительно безвкусную вещь? – грозно подбоченилась Лола. – Какая старуха?

– Почему старуха? – по инерции удивился Леня.

– Потому что этим часам сто лет в обед!

– Больше. – Леня открыл крышку и поднес часы к свету. – Думаю, не сто, а сто пятьдесят как минимум. Лолка, не смотри зверем, я понятия не имею, откуда они взялись в нашей квартире!

– Кар-ра! – заорал попугай так громко, что Лола подпрыгнула на месте. – Кар-ра дор-рогая!

– Да что вообще происходит? – Лола в бессильной ярости топнула ногой. – И откуда так дует?

Она двинулась в гостиную. Леня поплелся за ней, попугай полетел следом, притаившийся, как всегда, с опозданием

Пу И поскакал вдогонку. Сзади крался Аскольд, которому тоже было интересно, но не хотелось демонстрировать свое любопытство.

В гостиной Лола бросилась к окну. Щель была гораздо шире, чем она оставляла, но все же недостаточной, чтобы в нее мог протиснуться попугай. И ворона тоже. Она, кстати, сидела здесь же, на ветке большой липы. Перришон немедленно принялся исполнять на подоконнике брачный танец. Ворона взирала на его па вполне благосклонно.

– Леня! – Лола прижала руки к щекам. – Я все поняла.

Она схватила часы и поднесла их к стеклу. Ворона тотчас горделиво закаркала.

– Она стащила где-то эти часы и преподнесла Перришону в качестве свадебного подарка!

– С ума сойти! Перри, теперь ты просто обязан на ней жениться, – брякнул Маркиз и сразу опомнился: – Не может быть!

– Может! Я читала: вороны еще хуже сорок, тянут все блестящее. Что делать?

– А что делать? – Маркиз пожал плечами. – Попробуй ей объяснить, что брать чужое нехорошо. Только вряд ли она поймет, у нее ведь инстинкт. И вообще, мы обедать будем сегодня?

– А нечего, – огрызнулась Лола. – Некогда мне, попугайскую свадьбу готовлю!

– Ладно, – Маркиз был удивительно покладист, – у меня

как раз дела в городе, там и перекушу.

Он мигом собрался и ушел, Лола даже не успела войти в роль обиженной. Немного подумав, она тоже решила прогуляться, тем более что погода наладилась, и Пу И поглядывал заискивающе.

Часы, забытые Маркизом, лежали на столе.

– Вот ведь, – огорчилась Лола, – бросил все, и горя мало. А вещь дорогая, может, кто-то ищет ее, переживает. С воронь не спросишь, и выходит, что воры – мы. Н-да, неприятно.

Лола переглянулась с Пу И и оживилась. Ей пришла в голову конструктивная мысль. Мигом она распечатала на принтере несколько объявлений, прихватила клей и песика и вышла на улицу.

Погода установилась вполне приличная. По небу вместо сизых туч плыли кудрявые облака, деревья потихоньку золотились, в сквере возле дома пахло прелой листвой и мочеными яблоками. Лола расклеила несколько объявлений и решила, что самое время сводить Пу И в кафе.

Наутро она поднялась поздно. Ленька уже погулял с Пу И и ушел, оставив записку, что позавтракает с приятелем, а зверей она пускай возьмет на себя. Лола нехотя выползла из кровати, накормила своих питомцев и пришла в себя только после душа.

Третьего дня она с Пу И была у ветеринара. Тот тщательно осмотрел песика и взглянул на Лолу так, как будто хотел сообщить что-то крайне неприятное.

– В чем дело, доктор? – Лола схватилась за сердце. – Лучше страшная правда, чем сладкая ложь!

– Ничего страшного, – осторожно проговорил ветеринар. – Но я нашел у вашего любимца признаки начинающегося нейродермита.

– Что это такое, доктор? – Лола побледнела. – Скажите мне прямо, возможно, я это переживу. Это опасно?

– Не то чтобы опасно для жизни, но все же неприятно. У него может начаться шелушение кожи, выпадение шерсти...

– Какой ужас! – Лола схватилась за голову. – Мы же не сможем показаться на людях! А я как раз заказала для него два новых костюмчика!.. Но отчего это случилось, доктор? Ведь я так забочусь о нем – покупаю все лучшее, даю витамины...

– Дело не только в питании, – нахмурился врач. – Это же нейродермит, иначе говоря, в основе заболевания лежат психологические проблемы. Песику недостает вашего внимания.

– Не может быть! – пылко воскликнула Лола. – Я все для него делаю, покупаю самые вкусные лакомства, самую красивую одежду!..

– В том-то и дело! – прервал ее ветеринар. – Как многие современные родители, владельцы домашних животных пытаются подменить деньгами заботу. И детям, и собакам нужно, чтобы на них тратили не деньги, а время. Чтобы с ними

играли, разговаривали, понимаете? Для них гораздо дороже не тот подарок, что куплен за деньги, а тот, что сделан вашими руками.

Сегодня Лола решила, что она собственными руками испечет для Пу И его любимое ореховое печенье. Хотя ветеринар что-то такое говорил еще насчет диеты... Лола предполагала на время об этом забыть.

Рецепт она нашла в Интернете, все необходимые продукты отыскала дома. Она как раз ставила в духовку противень с печеньем, когда в дверь кто-то позвонил.

Лола решила, что это Маркиз. Забыть ключи – такое с ним случалось не раз. Она закрыла духовку и поспешила в прихожую.

Правда, по дороге ей попался Аскольд, который, потягиваясь и зевая, тащился на кухню. Это должно было ее насторожить: Аскольд всегда заранее чувствовал приход хозяина и встречал его у двери. Однако Лола была так увлечена процессом готовки, что не обратила внимания на странное поведение кота.

Она подошла к двери, щелкнула замком и потянула за ручку, проговорив сварливым голосом дипломированной жены:

– Скоро ты голову дома забудешь!

Но на пороге стоял вовсе не Леня.

Там нарисовалась совершенно незнакомая девица в коротком кожаном плаще и сапожках на немыслимом каблуке.

Настроение у Лолы резко испортилось. Сама она была в домашнем халатике (вполне приличном, но все же) и в тапочках с собачьими ушами, так что незнакомка и в буквальном, и в переносном смысле смотрела на нее сверху вниз.

– В чем дело? – сухо поинтересовалась Лола. – Вы к кому, дама?

Девушка оттопырила губу и высокомерно протянула:

– Хозяева дома?

– Что-о? – Лола отступила на шаг и прищурилась.

Первым побуждением было вцепиться нахалке в лицо, но она взяла себя в руки и проговорила в тон:

– А, ты из агентства по найму прислуги? Опоздала, дорогуша, уборщицу взяли два часа назад. – Она демонстративно взглянула на свои часики от Картье.

Девушка оценила часики и достойный ответ и спросила теперь уже без всякого высокомерия:

– Это вы давали объявление насчет часов?

– Допустим, я, – ответила Лола и внимательно пригляделась к гостье.

По всему выходило, что у той имеются и вкус, и деньги. Плащик от Донны Каран, сапоги от Джимми Чу. Ансамбль портили разве что часы – швейцарские, но простенькой фирмы.

– У меня часы украли два дня назад, – надулась девушка и заметно расстроилась при этом воспоминании. – Представь, в приличном месте, в бутике «Арина».

– Который на Большой Посадской? – уточнила Лола со знанием дела.

– Нет, который на Малой Конюшенной. Самое обидное, что там и народу-то не было, кроме меня только один парень, кстати, очень приличный с виду – джинсы от Дольче и Габбано, курточка от Лагерфельда, ботинки из кожи питона. Прошел мимо, улыбнулся, я и растаяла. Дверь придержал, когда я выходила из магазина. Сажусь в машину, хватать – а часов-то нет. Жалко, хорошие были часы, золотые, Лонжин. Потом увидела твое объявление – вдруг, думаю, это мои часы нашлись.

– Как же они могли найтись, если ты сама говоришь, что их тот парень украл?

– Не знаю. Подумала, что ошиблась, просто потеряла где-то...

– Должна тебя разочаровать: чудес на свете не бывает. Это не твои часы нашлись.

– Жаль, – вздохнула девица. – Ладно, я не очень-то и считывала, чудес и правда не бывает.

Она повернулась и уже хотела уйти, как дверь снова открылась. На этот раз в квартиру вошел Леня Маркиз собственной персоной.

Увидев в дверях очаровательную незнакомку, он заметно оживился:

– У нас гости? Лолочка, познакомь меня со своей подругой!

Настроение у Лолы снова испортилось. Она смахнула прядь со лба тыльной стороной руки и процедила:

– Это вовсе не моя подруга! Это дама из агентства. Пришла по ошибке, думала, что нам требуется няня. Я объяснила, что у нас один великовозрастный оболтус – это ты. Она уже уходит.

– Вр-рет! – гаркнул с вешалки Перришон.

Лола послала ему многообещающий взгляд, и попугай перелетел повыше.

Девушка усмехнулась:

– Да, я, пожалуй, лучше пойду.

Леня проводил ее долгим разочарованным взглядом и повернулся к Лоле.

– Лолка, – он подозрительно прищурился, – в чем дело? Кто это приходил? Ты думаешь, я поверил, что это няня? Опять же Перришон...

– С Перришоном будет отдельный разговор! – фыркнула Лола.

Она хотела что-то добавить, но в дверь снова позвонили.

– Вы что-то забыли? – промурлыкал Маркиз и поспешно открыл.

Лицо его разочарованно вытянулось: вместо давешней красотки на пороге стояла сгорбленная старушка в ярко-зеленом подростковом пальто.

Лола нервно хихикнула.

– Бабушка, вы к кому? – испугался Леня.

– По объявлению я, – прошамкала старушка и перенесла через порог объемистую хозяйственную сумку.

– По объявлению? – искренне удивился Ленья. – Вы, наверное, ошиблись. Мы не давали никаких объявлений.

– Как это не давали? – Старуха глянула на него подозрительно. – Прибрать захотели мои часики?

– Часики? – Ленья вытаращил глаза, затем подозрительно глянул на Лолу. – Лолка, объясни немедленно, что здесь происходит! О каком объявлении речь?

– А вот о каком! – Старуха открыла сумку, запустила в нее руку, немного повозилась там и вытащила сложенную вчетверо бумажку с жирным пятном. Из сумки выглянул мороженный рыбий хвост.

– Что это? – брезгливо поморщился Ленья.

– Это я селедку в нее заворачивала. Ты сюда, милок, смотри. – Она развернула бумажку, и по квартире поплыл запах тухлой рыбы.

Ленья двумя пальцами взял объявление:

– «Найдены часы... потерявшего просят обращаться...» Лолка, твоя работа? Ты что, с ума сошла?

– Не с ума, – забормотала боевая подруга, отступая в глубь прихожей, – это не я...

– Вр-рет! – снова заорал Перришон. – Пр-ри кидывается! – Он перелетел еще выше, не дожидаясь, когда Лола приведет в исполнение угрозу, ясно читавшуюся в ее взгляде.

В коридоре между тем появился Аскольд. Он с интересом

огляделся, принялся и напрямик направился к старухиной сумке.

– Вы это чего тут? – испугалась старуха. – Вы промеж себя потом будете разбираться, а сейчас отдайте часы! А то знаю я таких, что норовят чужое добро прихватизировать.

– Бабушка, а у вас какие часы пропали? – поинтересовалась Лола.

Леня взглянул на нее неодобрительно, но решил отложить воспитательные мероприятия до того времени, когда они останутся в своем дружном коллективе.

– Известно, какие, очень хорошие. Сейчас таких не делают. От мужа, покойника, остались. Наручные часы марки «Чайка» на кожаном ремешке.

– Тогда те, что мы нашли, точно не ваши.

– Что значит не мои? – Старуха повысила голос. – В объявлении же сказано: нашли часы. Нашли, так отдавайте! А то, ишь, не ваши! Сказать-то что угодно можно. Вот и кот у вас такой же вороватый, весь в хозяев.

Аскольд под шумок успел подкрасться к сумке, схватить зубами рыбий хвост и теперь как раз пытался вытащить рыбу.

– Пошел прочь, охальник! – замахнулась зонтиком старуха.

– Действительно, Аскольд, как не стыдно! – поддержал ее на этот раз Леня. – Воспитанный, авторитетный кот, а ведешь себя как помойная шпана. Тебя что, не кормят?

Аскольд прижал уши и бросил на хозяина красноречивый взгляд, мол, не лезь не в свое дело. Еще этот взгляд говорил: «Краденая рыба гораздо вкуснее той, что положили в миску, как будто сам не знаешь».

– Вот же бандит! – верещала старуха, пытаясь зонтиком отогнать кота от сумки. – Вот же террорист!

Аскольд сильнее дернул за хвост, и мороженная треска наконец вывалилась. Вместе с ней на пол выпали мужские часы на потертом кожаном ремешке.

– Бабушка, вот же ваши часы, – обрадовалась Лола. – Наручные, мужские, кожаный ремешок.

– Ой, правда! – Старуха вырвала у Лолы часы и злобно хихикнула: – Это, значит, я их в рыбном достала, а потом обратно сунула и забыла. Ладно, так и быть, те часы можете оставить себе.

Она ловким движением вырвала у Аскольда рыбу, засунула ее в сумку и удалилась.

Лола закрыла дверь и облегченно вздохнула.

Но радоваться было рано: стоило старухиным шагам затихнуть, как Леня сложил руки на груди и уставился на боевую подругу прокурорским взглядом.

– Как ты можешь все это объяснить? – поинтересовался он после выразительной паузы.

– О чем ты, Ленечка? – Лола потупила глаза и убрала руки за спину, как прилежная ученица.

– Позор-р! – завопил сверху Перришон.

– Ты прекрасно знаешь, о чем! – прогремел Ленья. – Что это за объявление?

– Ой, чем это пахнет? – Лола потянула носом.

– Не пытайся отвлечь мое внимание!

– Да говорю тебе, там что-то горит! – Лола двинулась к кухне.

Маркиз принялся.

– Действительно, что-то подгорело.

– Печенье! – Лола всплеснула руками и бросилась вперед.

На противне остались одни угольки. Лола схватила лист и понесла его к мусорному ведру.

Пу И, который вертелся под ногами в ожидании угощения, попал ей под ноги и обиженно тявкнул.

– Пуишечка, детка, прости меня! – Лола подхватила песика и прижала его к груди. – А все из-за этого противного Леньки!

– Что? – вытаращился Маркиз. – Я-то в чем виноват? Сама устроила весь этот дурдом, расклеила дурацкое объявление, а теперь обвиняешь меня? Это, знаешь ли, переходит всякие границы!

– Дурацкое? – Лола сверкнула глазами. – Выходит, я дура? Пуишечка, ты слышал, что сказал этот ужасный человек? Он обозвал меня идиоткой, тупицей и уродиной! Ты будешь свидетелем!

– Лолка, прекрати этот театр одного актера! – разъярился Маркиз. – Я тебя слишком хорошо изучил, чтобы наступать

на одни и те же грабли и поддаваться на примитивную провокацию!

– У сильного всегда бессильный виноват, – патетически произнесла Лола, и на глазах у нее выступили слезы.

Как и было сказано, она замечательно умела плакать по заказу, что очень ценили режиссеры еще в те времена, когда она служила в театре. Леня знал об этой способности боевой подруги и не принимал ее слезы всерьез. Вот и сейчас он хмыкнул, развернулся и вышел из кухни.

Лола поняла, что продолжения скандала не будет, и решила спуститься и поговорить с консьержкой. В конце концов, ее именно для того и нанимают, чтобы не пускать в дом посторонних. А тут идут в квартиру один за другим, как ходоки в Кремль.

– Аделаида Семеновна, – Лола постучала в окошко консьержки костяшками пальцев, – зачем вы направляете ко мне людей по объявлению? Я же просила звонить, когда кто-нибудь придет! Я спустилась бы к ним сама и поговорила, а вы всех пускаете в дом. Леонид недоволен, да и вообще, это непорядок!

Вместо ответа из окошечка донеслось громкое «апчхи».

– Вы простужены? – Лола несколько сбавила обороты. – Конечно, я вам сочувствую, но это не повод...

– Чего надо? – Из окошка высунулась незнакомая физиономия с распухшим носом.

– Ой! – вскрикнула Лола от неожиданности. – А где Аде-

лаида Семеновна?

– Заболела она, – проворчала простуженная особа, – попросила за нее подежурить.

– Вы, я вижу, тоже не совсем здоровы.

– Это... это ничего! – Незнакомка снова оглушительно чихнула.

– А вы кто?

– Сестра ее двоюродная. Приехала к ней из Мелитополя, и она меня попросила... апчхи!

– Ладно, двоюродная сестра из Мелитополя, насчет вас я все поняла. Прошу не отправлять ко мне людей по объявлению, а звонить, я сама к ним спущусь.

– Вот еще, – проворчала мелитопольская гостья.

– Не «вот еще», а будете делать, как я сказала! В конце концов, мы вам платим деньги.

– Ладно, ладно!

Лола развернулась и направилась к лифту. Вслед ей снова оглушительно чихнули.

Вернувшись в квартиру, Лола решила подлизаться к Лене и приготовить его любимый мясной рулет. Она выложила фарш в форму, достала из шкафчика специи, но в это время в дверь квартиры снова позвонили. На этот раз звонок был вкрадчивым и деликатным.

– Ленечка, открой, пожалуйста! – крикнула Лола в глубину квартиры.

– Открывай сама! – отозвался Маркиз. – Наверняка это

снова по твоему объявлению.

– Ленечка, открой, пожалуйста! – донеслось из кухни. – У меня руки грязные! Вдруг это вернулась та первая девица?

Это был, несомненно, хитрый ход. Маркиз, уже прикрывший было дверь своей комнаты, развернулся и прошлепал в коридор. Не то чтобы он поверил Лоле, но какой-то шанс все же был, а открыть дверь – не слишком большой труд.

Однако на пороге возникла вовсе не та длинноногая блондинка, которая произвела на Леню такое сильное впечатление. Сейчас перед ним стоял мужичок лет сорока со смешным хохолком на голове и острой крысиной мордочкой. Красные руки незнакомца торчали из слишком коротких рукавов пиджака. На левом запястье виднелась татуировка «Не забуду заплатить за электричество».

– Чего надо? – сухо поинтересовался Маркиз.

– Я по поводу часиков. – Посетитель потешно шаркнул ножкой. – Объявление висит насчет часиков, так вот я хотел узнать.

– Лола, это все же к тебе! – крикнул Леня в сторону кухни.

Лола возникла в дверном проеме, вытирая руки полотенцем, и недоуменно уставилась на незнакомца.

– У меня часики пропали, – поспешно заговорил тот, протискиваясь мимо Лени. – Дедушкины часики, старинная работа. Дедушка был профессор, известный человек, лауреат премии муниципального образования. От него часики остались, а теперь, значит, пропали.

– Как выглядели часы? – строго спросила Лола.

– Такие, знаете, красивые. – Мужичок неожиданно всхлипнул, вытащил из кармана огромный клетчатый платок и шумно высморкался. – Извините, разволновался. Я так любил дедушку... Нельзя ли попросить водички?

– Водички? – опешила Лола. – Пойдемте, так и быть, налью.

Странный гость просочился за ней на кухню и снова всхлипнул:

– Часики – это все, что у меня осталось от дедушки! Я его так любил, так любил!..

– И все же, как выглядели ваши часы? – сурово повторила Лола, подавая стакан минеральной воды.

– Сейчас, одну минуточку, я должен успокоиться. – Мужичок жадно, с шумом выпил воду, снова жестом фокусника вытащил огромный платок и еще раз всхлипнул. – Нет, не могу успокоиться! Не найдется ли у вас валерьянки?

– Валерьянки? – Лола выглянула из кухни: – Ленечка, у нас нет валерьянки? Какой-то очень нервный гражданин попался.

– Еще и валерьянки? – донеслось из Лениной комнаты. – С тобой не то что валерьянку, я скоро сильнодействующие успокоительные принимать начну! Ладно, есть пузырек, я его от Аскольда прячу...

Лола уже была у него. Леня достал из ящика стола пузырек и протянул боевой подруге. В дверях немедленно по-

явился Аскольд с задумчивым и мечтательным выражением на морде.

– Аскольд, возьми себя в лапы! – Леня строго посмотрел на своего любимца. – Ты солидный, авторитетный кот, а не какой-нибудь токсикоман.

В это время где-то поблизости раздался оглушительный лай.

– Пуишечка, детка, что с тобой? – Лола понеслась на выручку песику.

Леня, почувствовав неладное, последовал за ней.

В гостиной они застали следующую картину.

Мужичок с крысиной мордочкой стоял на стуле возле открытого шкафа. В руках у него была старинная бронзовая пепельница, которую Лола недели две назад убрала подальше, поскольку ее раздражал этот старомодный предмет, совершенно не сочетающийся с обстановкой комнаты.

Вокруг стула носился Пу И, заливаясь истошным лаем.

– Что это вы делаете? – поинтересовалась Лола.

– Я... ничего, – залепетал мужичок. – Только зашел посмотреть, как живут приличные люди, а ваша собака на меня как набросится...

– Посмотреть, значит? – понимающе кивнул Леня. – А шкаф зачем открыл? А пепельница почему у тебя в руках?

– Уберите собаку! – воскликнул незадачливый вор. – Я очень боюсь собак!

– При твоей профессии это очень некстати. – Леня осуж-

дающе покачал головой. – Ладно. Пу И, ко мне!

Но Пу И и не думал подчиняться. Он залаял еще громче и попытался подпрыгнуть и достать штанину воришки.

– Видишь, не слушается, – вздохнул Леня. – Уж очень воров не любит.

– Я отдам, я все отдам, – захныкал тот, – только уберите его!

– Так и быть, – снисходительно вздохнула Лола. – Пуишечка, детка, иди ко мне!

На этот раз Пу И послушался – твякнул в последний раз и вскочил на руки к хозяйке. Вор боязливо слез и положил пепельницу на стол.

– Одного не пойму, – задумчиво проговорил Маркиз, – зачем тебе понадобилась эта пепельница?

– Бес попутал! – просто ответил воришка.

– Это все, что ты спер?

– Все, честное благородное слово! – Для верности он перекрестился и осторожно двинулся к выходу. Стоило ему, однако, поравняться с Лолой, как Пу И угрожающе зарычал.

– А вот Пу И считает, что ты выложил не всю добычу! – Маркиз кивнул на подозрительно оттопыренные карманы крысомордого типа.

– Ах, это? – смутился тот. – Это я забыл, у меня, знаете, память не очень. – Он выложил на стол блокнот-ежедневник в кожаной обложке, серебряную конфетницу, Лолин мобильный телефон, фарфоровую статуэтку «Девочка с шари-

ками», которую Лола в помрачении рассудка приобрела пару лет назад в пражской сувенирной лавке. Последним появился мешочек с сушеной лавандой.

– Сам не знаю, как это все ко мне попало, – смущенно проговорил воришка, разглядывая трофеи.

– Ага, наверное, это Пу И все тебе подсунул, – процедила Лола и крепче прижала к груди своего любимца.

– Понимаете, – воришка развел руками и всхлипнул, – у меня было тяжелое детство, я был лишен родительской ласки...

– Сейчас расплачемся! – перебила его Лола.

Воришка всхлипнул, вытащил из кармана брюк носовой платок, и из него, как из шляпы фокусника, вылетели бархатная подушечка для иголок, несколько серебряных чайных ложечек и деревянная скалка для теста.

– Больше ты ничего не забыл? – Маркиз позеленел от злости.

– Ничего! Честное, благородное слово! На этот раз действительно ничего! – Воришка ударил себя кулаком в грудь.

– А скалка-то тебе зачем? – поинтересовалась Лола.

– Случайно попала под руку, – вздохнул воришка, но тут же поправился: – Антонина Ивановна просила принести скалку, если где попадется. Понимаете, сейчас так трудно найти в магазине приличную деревянную скалку...

– Антонина Ивановна? – перебила Лола. – Это еще кто такая?

– Антонина Ивановна – это моя супруга. В смысле не совсем супруга, – вор заметно порозовел, – мы с ней вообще-то не зарегистрированы. Но она очень хорошая женщина!

– Слушай, ты, жертва тяжелого детства, – вмешался Маркиз. – Меня совершенно не интересуют подробности твоей личной жизни. Проваливай по-хорошему, а то я спущу на тебя этого волкодава!

Пу И зарычал, как настоящая собака, и показал вору клыки. Клыки были маленькие, но вполне настоящие.

Вор побледнел и устремился прочь.

Закрыв за ним дверь, Маркиз повернулся к Лоле:

– Теперь видишь, к чему привел твой дурацкий поступок? Нас едва не обворовали! Ты представляешь, какой удар это нанесло бы моей профессиональной репутации? Меня, мошенника высшего класса, обворовала какая-то пузатая мелочь!

«Зануда», – подумала Лола.

– Когда я научу тебя думать головой, а не другими частями тела? – окончательно разошелся Маркиз.

– Знаешь что! – вспыхнула Лола. – Ты говори, да не заговаривайся!

Маркиз не слышал. Он перевел дыхание и мрачно подытожил:

– Боюсь, на этом дело не закончится.

Как в воду глядел: в дверь снова позвонили.

– Это черт знает что! – пророкотал Маркиз.

– Но я же просила эту чертову консьержку никого не пускать, – жалобно проговорила Лола.

– Нечего сваливать на консьержку, – оборвал Маркиз. – Открывай, раз пришли! И на этот раз не вздумай оставлять своих посетителей без присмотра!

Лола вздохнула и пошла к двери.

На пороге стоял мужчина, несколько более приличный, чем предыдущий посетитель. Этот был средних лет, с аккуратной стрижкой, в приличном, хотя и старомодном сером плаще и начищенных ботинках. Правда, и плащ и ботинки были не новыми, и сам гость выглядел несколько потертым. Явно он принадлежал к тем, о ком говорят, что они знавали лучшие времена.

– Пардон. – Незнакомец слегка склонил голову. – Видимо, вы дали объявление о часах?

Леня, все еще клопоча от возмущения, выступил из-за спины боевой подруги:

– Все! Отдали эти часы! Только что отдали!

– Как отдали? – Новый гость заметно побледнел. – Кому отдали?

– Такому плюгавому типу с хохолком, – выпалил Маркиз. – Прямо перед вами ушел.

– Как же так? – пробормотал гость. – Что же делать?

– За вещами своими следить! – выпалил Леня и двинулся грудью на незнакомца. – Все, убирайтесь отсюда! Надоело выслушивать всякую ерунду!

Тот еще что-то хотел сказать, но Леня вытолкнул его на лестничную площадку и захлопнул дверь.

– Ленечка, зачем ты его обманул? – Лола удивленно хлопала ресницами. – Мы же не отдали часы.

– Отдали или не отдали – мне наплевать! – громыхал Маркиз. – Из-за тебя квартира превратилась в проходной двор! Здесь невозможно находиться! Я уже начинаю жалеть о том дне, когда...

Леня хотел сказать, что жалеет о том дне, когда познакомился с Лолой. Неизвестно, к чему привело бы такое необдуманное заявление, но судьба помешала ему прозвучать.

Из кухни донесся оглушительный грохот.

– Что это? – Лола бросилась на шум, и в следующую минуту слышался ее горестный всхлип: – Рулет! Рулет!

Зрелище в самом деле было душераздирающим.

Форма с рулетом лежала на полу. Сверху на ней восседал Аскольд и в упоении поедая фарш.

– И ты, Аскольд! – воскликнула Лола и воздела руки к потолку, как великая трагическая актриса Сара Бернар в роли Корделии. – И ты хочешь моей смерти?

В дверях появился Маркиз.

С одного взгляда он оценил ситуацию и проговорил то ли с осуждением, то ли с уважением:

– Аскольд, сегодня определенно твой день! Сначала рыба, потом рулет...

– Все, все в этом доме меня ненавидят! – прорыдала Ло-

ла и вылетела из кухни. В прихожей ей навстречу кинулся Пу И. – Нет, не все! – Лола сдержала рыдания, подхватила его на руки, и песик облизал ее шершавым язычком. – Как я могла забыть о тебе, мой дорогой? Только ты, Пуишечка, только ты искренне любишь меня! – Она прижала песика к сердцу, по-видимому, слишком сильно, потому что он недовольно заскулил. – Пуишечка, детка, мы немедленно уходим из этого дома! Мы покинем эти негостеприимные стены и никогда, никогда больше сюда не вернемся. Мы будем скитаться по улицам под холодным осенним дождем, будем просить подаяние, питаться объедками, ночевать под мостом...

– Лолка, откуда такой текст? – полюбопытствовал Маркиз. – Из какой дурацкой пьесы ты это выкопала?

Лола не удостоила его ответа. Леня повертел пальцем у виска и удалился в свою комнату.

Без зрителя играть стало неинтересно, но Лола уже вошла в роль и не могла остановиться.

– Мы возьмем только самое необходимое, – вела она дальше. – Твой новый ошейник со стразами и мой сиреневый шарфик от Hermes. Еще лиловую сумку от Prada, не могу же я выйти из дома без сумки. Разумеется, косметику: два-три вида помады, тушь, тональный крем, карандаши для подводки глаз. Еще маникюрный набор, тот, французский. И твою фотографию в серебряной рамочке, где я в роли Офелии, с речными лилиями в волосах. Она мне дорога как память о былой славе.

Через несколько минут Лола была готова. Черствый Леня даже не вышел, чтобы взглянуть на них напоследок.

Спускаясь в лифте, Лола живо представила, как они с Пу И бредут под проливным дождем, сгорбившись и волоча за собой по рытвинам и ухабам чемодан Lois Vuitton с самым необходимым. Нет, пожалуй, лучше под снегом. Сквозь пургу, сквозь ледяную мглу...

Как назло, на улице стояла чудесная погода. Осеннее солнышко ласково пригревало, деревья на бульваре были покрыты золотой и багряной листвой. Встречные мужчины улыбались Лоле, а женщины ласково поглядывали на Пу И.

Дойдя до угла, Лола решила, что можно зайти в кафе и выпить чашку капучино, чтобы поддержать силы, а там будет видно.

Себе она заказала капучино и тирамису, а Пу И – порцию орехового печенья. Десерт оказался очень хорош, и настроение у Лолы заметно улучшилось. Она уже подумывала о том, чтобы простить бессердечного Маркиза. Но прежде следовало выдержать характер. Пускай как следует помучится и подумает о своем поведении. После кафе Лола направилась к скверу, где они с Пу И часто гуляли.

Пу И обрадовался неожиданной прогулке. Правда, в сквере не оказалось ни одной знакомой собаки, но здесь и без них хватало развлечений. Едва Лола спустила его на землю, как он с лаем погнался за голубями. Голуби повели себя неспортивно – не захотели играть и улетели. Неподалеку прогули-

валась ворона, Пу И побежал было к ней, но у вороны оказался такой огромный клюв, и сама она так неодобрительно взглянула на песика, что он предпочел сделать вид, что птица его нисколько не интересует, развернуться и побежать в другую сторону. Что и говорить, эта особа совершенно не была похожа на симпатичную Карину.

Лола села на скамейку, подставила лицо солнышку и сквозь полуопущенные ресницы продолжала наблюдать, как Пу И роется в осенних листьях.

Вдруг песик застыл и залился оглушительным лаем.

Лола подумала, что он нашел дохлую крысу или что-нибудь в этом же роде, и встала, чтобы отогнать его: еще подцепит какую-нибудь заразу.

Пу И лаял не переставая.

Лола подошла к нему и неодобрительно проговорила:

– Брось сейчас же эту гадость!

Ее ненаглядный питомец не успокаивался. Пришлось нехотя взглянуть, что стало причиной такого возбуждения.

Из груды желтых осенних листьев торчала человеческая рука.

Лола охнула и попятилась.

В следующую секунду она зажмурилась, досчитала до десяти, чтобы немного успокоиться, и снова открыла глаза.

Рука была на прежнем месте.

Более того, сейчас Лола узнала эту руку.

Красная обветренная кисть с обломанными ногтями тор-

чала из короткого рукава. На голом запястье виднелась дурацкая татуировка «Не забуду заплатить», буквы дальше были не видны.

Никакого сомнения: эта рука принадлежала тому подозрительному типу с крысиной мордочкой и хохолком, тому самому мелкому жулику, который всего час назад приходил к ним якобы по объявлению и пытался украсть любимую Лолину скалку.

Сам жулик угадывался под грудой листьев.

– Не может быть, – пробормотала Лола, не в силах отвести взгляд от страшного зрелища. – Не может этого быть!..

Осенняя погода переменчива. Только что было тепло, светило солнце – и вдруг набежали тучи, небо помрачнело, по скверу пронесся порыв ветра, взметая золотые листья. Так же, как погода, переменилось и Лолино настроение. Только что она была в чудном расположении духа после кофе и тирамису, но вот прошла минута, и она уже испугана и растеряна.

Порыв ветра сдул листья с трупа, и теперь он целиком открылся Лолиным глазам – крысиная мордочка, потешный хохолок, потертый долгополый пиджак.

Карманы пиджака были вывернуты. Рядом с правым карманом валялся знакомый Лоле клетчатый платок.

– Не может быть, – снова пробормотала Лола.

Она схватила заливающегося лаем Пу И, прижала его к груди и со всех ног припустила в сторону дома, совершенно

забыв о том, что ушла оттуда навсегда.

Леня открыл мгновенно – по звонку почувствовал, что с боевой подругой что-то стряслось.

В прихожую она ввалилась с полными ужаса глазами. Дрожащими руками она прижимала к себе такого же напуганного Пу И.

– Воды! Скорее воды!

Маркиз подавил желание сказать что-нибудь язвительное, бросился на кухню и вернулся со стаканом ледяной минералки. Лола выпила воду, стуча зубами о стекло. Глаза ее оставались по-прежнему безумными.

Тогда Леня отвел ее на кухню, усадил на стул и попытался отнять перепуганного песика. Лола вцепилась в Пу И и не отдавала. Сам Пу И дрожал, как овечий хвост. Леня вздохнул, налил в стакан приличную порцию коньяка и осторожно поднес к Лолиным губам. Она выпила коньяк, как воду, и наконец в ее глазах проступило осмысленное выражение. Лола выпустила Пу И, тот немедленно прыгнул на пол и напустил лужу, чего с ним давно не случалось. Лола нашла глазами Маркиза и проговорила еле слышно:

– Его убили. Пу И нашел труп в сквере, под листьями.

– Кого? – изумился Леня.

– Того воришку, что приходил к нам час назад. Того самого, который пытался украсть мою скалку.

– Что? – Леня отказывался верить. – Ты точно не ошиблась? Не перепутала?

Лола посмотрела на компаньона таким взглядом, что тот сразу понял: никаких сомнений быть не может.

– Я его видела так же четко, как тебя сейчас, – прошептала Лола. – Нет, даже четче, сейчас у меня перед глазами все расплывается.

– Это от коньяка. – Маркиз не стал спорить. – Или от стресса.

– И еще, – Лола не обратила ни малейшего внимания на его слова, – у него были вывернуты карманы. Его обыскивали!..

– Может, его убил и ограбил какой-то наркоман, – неуверенно предположил Маркиз. – А что, срочно понадобилась доза...

В Лолином взгляде читалось неодобрение: неужели он сам верит в свои слова?

– Понимаю, – пробормотал Леня в смущении, – среди бела дня и прямо на улице...

– Даже не в этом дело, – прошептала Лола, оглядевшись, как будто боялась, что ее кто-то подслушивает. – Какой наркоман напал бы на такого?..

Леня понял, что она имеет в виду. В самом деле, их недавний гость выглядел так, что ни одному наркоману не пришло бы в голову убить его ради ограбления.

– Тогда что же это? – Леня тоже понизил голос.

– Часы! – уверенно припечатала Лола. – Ты же сказал тому, который пришел последним, что мы отдали эти часы. Ты

его даже описал!..

Маркиз повалился на подвернувшийся стул. Из-под него с возмущенным мяуканьем вывернулся Аскольд.

– Не настолько это все-таки дорогие часы, чтобы из-за них убивать.

– Сейчас и не за такое убивают, – вздохнула Лола. – Надо же, вроде такой приличный мужчина, этот, что был после жулика. Потрепанный немножко, а так...

– Теперь ты видишь, к чему привела твоя глупость с объявлением! – ввернул-таки шпильку Ленья.

Лола не удостоила его ответом, зато с холодильника отозвался Перришон:

– Кошмар-р! Тр-рагедия!

– Ты бы помалкивал, – прикрикнул Маркиз. – Все из-за тебя, из-за твоего романа с вороной!

– Кар-ра хор-рошая! – возразил попугай.

– Что же теперь делать? – пригорюнилась Лола. – Если даже случайного человека убили из-за этих часов, что будет с нами?

К несомненным достоинствам Лени относилось то, что он мог сколько угодно подшучивать над боевой подругой, препираться с ней по любому ничтожному поводу, но стоило случиться чему-то действительно серьезному, и на него можно было положиться.

– Во-первых, – проговорил он после непродолжительной паузы, – нам нельзя впадать в панику. Во-вторых, нужно уни-

чтожить все объявления, которые ты расклеила. Сколько их было?

– Кажется, четыре. – Лола наморщила лоб. – Или пять? – Она начала мучительно припоминать: – Одно я повесила на доске объявлений в подъезде. Еще одно – снаружи, рядом с входной дверью. Еще возле магазина, где мы покупаем собачий и кошачий корм. Потом возле автостоянки...

Маркиз коротко кивнул и покинул квартиру.

Через полчаса он вернулся с пачкой объявлений.

– Их было семь, – констатировал он с легкой грустью.

Обнаруженные объявления были безжалостно сожжены в той самой пепельнице, которую пытался украсть покойный жулик.

– Но это ничего не значит, – подвел итог Маркиз, когда операция была окончена. – Все, кому нужно, это уже прочли. В ближайшее время нам следует повысить уровень безопасности. Никуда не выходи без веских оснований, а самое главное – ни в коем случае не открывай дверь незнакомым! Никому, даже если о часах не будет сказано ни слова!

– Не буду! – горячо пообещала Лола.

Перед глазами у нее все еще стоял несчастный воришка. Несчастный мертвый воришка, кое-как присыпанный осенними листьями.

Следующий день напуганная Лола решила провести дома. Ничего страшного не случилось, уговаривала она себя,

никто не свяжет с ними убийство того малопривлекательного типа. Не будет же полиция обходить все близлежащие дома и звонить в каждую квартиру. И по телевизору его фотографию никто не покажет – не того полета птица, чтобы такой шум поднимать. Леня прав, беспокоиться нечего. Противная тетка, что сидела на месте консьержки, надо думать, уже отбыла в свой Мелитополь, потому как Аделаида Семеновна сегодня вышла на работу. Это хорошо: она понятия не имеет, что убитый приходил именно к ним.

Для профилактики Лола подумывала закатить консьержке скандал, чтобы впредь не пускала в квартиру посторонних, но решила, что не стоит лишний раз привлекать внимание.

Уходя, Леня еще раз провел с Лолой воспитательную беседу на предмет запираания дверей и не отпираания их никому, даже если будут кричать: «Помогите, убивают!»

– А если будут кричать: «Пожар»? – робко спросила Лола.

– Все равно не открывай. В крайнем случае прыгай с балкона на дерево к Карине, – отмахнулся ее черствый компаньон и ушел, хлопнув дверью.

«Отвратительный тип!» – подумала Лола. Нет, конечно, кое в чем Леня прав. Она в самом деле свалила дурака с этими объявлениями. Но кто не совершает ошибок? Леня, между прочим, тоже не святой. Сколько раз Лола вытаскивала его из разных неприятных историй?

Кого в процессе операции злодеи заперли в темном под-

вале? Хорошо, что Ленька сумел через окошко договориться с бомжом, тот позвонил, и Лола тотчас примчалась спасать своего легкомысленного компаньона.

Кто увлекся посторонней девицей, причем до такой степени, что бросил Лолу и зверей и помчался за ней на край света? Само собой, вернулся через месяц с виноватым видом, и Лола его простила, потому что она добрая и великодушная.

Кого обвела вокруг пальца старинная знакомая, в которую Ленька когда-то был влюблен без памяти? Дама оказалась такой прохиндейкой, что даже Лола не сразу ее раскусила. Надо же, эта особа уговорила Леньку украсть якобы ее фамильную драгоценность, которая ей вовсе не принадлежала. Они могли влипнуть в огромные неприятности. И что, разве непутевый компаньон услышал от Лолы хоть слово упрека? Напротив, она протянула ему руку помощи, поддержала в трудную минуту, утешила. И вот теперь, когда Лола допустила оплошность (самой себе она может в этом признаться, но кому-то другому – ни за что), так вот, именно теперь Ленька норовит повесить на нее всех собак и вдоволь поплясать на ее косточках. Ужасный, ужасный человек!

Отбросив грустные мысли, Лола вспомнила свою замечательную тетю Калерию Ивановну. Та всегда утверждала, что характер мужчины напрямую зависит от того, как его кормить. Если мужчина регулярно питается пельменями и подгорелой яичницей, он вечно зол и цепляется по пустякам. Зато если кормить его вкусно и разнообразно, он будет сыт,

доволен жизнью и десять раз подумает, прежде чем посмотреть на сторону.

Лола взяла себя в руки и произвела ревизию холодильника. Результат ее вполне удовлетворил. Можно не выходить из дому, чтобы приготовить приличный обед. На первое она сделает борщ, на второе – запеченную свинину, а с десертом заморачиваться необязательно: Ленка выпьет чаю с конфетами, и хватит с него.

Лола поставила тушиться свеклу, морковку и лук, а сама принялась шпиговать свинину перцем и чесноком.

В эту секунду в дверь позвонили. От неожиданности Лола вздрогнула и едва не порезала палец. Шевелиться не было сил – она застыла на месте, прислушиваясь. В дверь позвонили еще раз. Лоле захотелось спрятаться в спальне под кроватью и не выходить, пока звонки не прекратятся. Она бросила нож и уже собралась бежать из кухни, но перехватила жадный взгляд кота. Аскольд сидел на стуле и поедая глазами кусок свинины.

– Нет уж, – сказала Лола с нажимом, – этого ты от меня не дождешься! Хватит вчерашнего мясного рулета.

С этими словами она убрала мясо в холодильник, аккуратно подкрутила огонь под свеклой и на цыпочках вышла в прихожую. В дверь уже трезвонили не переставая.

«Нас нет дома», – подумала Лола.

Она заткнула уши, но тут как назло появился Пу И и залял лаем.

Пришлось подойти к двери.

– Кто там? – спросила Лола дрожащим голосом.

– Сантехник! – рявкнули с площадки.

И правда, в глазок были видны двое мужиков в аккуратных синих комбинезонах.

– Мы не вызывали, – растерянно сказала Лола.

– Откройте, нужно трубы проверить! Ниже этажом протечка.

Лола машинально потянулась к замку, но перед глазами тут же возник грозный лик компаньона. Ленка делал страшные глаза и грозил пальцем.

«Включи мозги! – слышала Лола. – Если просто проверить, зачем явились вдвоем? Время, что ли, девать некуда?»

– У меня нигде не течет! – крикнула Лола. – Проверяйте другие квартиры!

– Вы дверь-то откройте, зачем орать, – миролюбиво предложил один из сантехников.

– Пускай соседи снизу с вами зайдут! – Лола была непреклонна и с каждой минутой убеждалась, что ведет себя правильно.

В самом деле, как поступит обычный сантехник в случае, если он пришел, а ему не желают открывать? Да он только обрадуется, вам же хуже, хоть залейтесь водой или еще какой субстанцией. Так он подумает и с чистой совестью отправится пить пиво. Уж настолько-то Лола знает жизнь.

А тут, видишь ли, ломаются в квартиру, настаивают. Нет,

очень подозрительное поведение.

– Внизу бабушка старенькая, ей подниматься трудно, – сказал один из сантехников.

– Нет там никакой бабушки! – наудачу брякнула Лола. – Там Женя Козлов живет, он мастер спорта по самбо. А вы, наверное, вообще подъезд перепутали.

На самом деле она понятия не имела, кто живет внизу. Квартира под ними уже полгода стояла пустая – не то ее продали, не то готовили к ремонту. Леня не слишком приветствовал тесное общение с соседями.

Лолина уловка удалась – сантехники отшатнулись от двери, один даже негромко выругался неприличным словом, за что получил от второго тычок в бок. Неизвестно, чем бы все закончилось, но тут на сцене, то бишь на лестничной площадке, появилось новое лицо.

Соседка Маргарита Степановна выглядела весьма недовольной. Недовольство ее понять было нетрудно.

Маргарита Степановна принадлежала к числу счастливых женщин. Счастье ее заключалось в двух обожаемых существах – муже Вове и хомяке Персике. Если кому-нибудь пришлось бы в голову задать вопрос Вове, он, несомненно, поставил бы на первое место хомяка. Маргарита, надо отдать ей должное, равно любила обоих своих домочадцев.

Муж Вова много работал, чтобы обеспечить жене и хомяку безбедную жизнь, Маргарита Степановна вела хозяйство и присматривала за Персиком. Хомяк был ангорский,

необычайно пушистый и крайне любопытный – вечно сбегал из клетки и норовил куда-нибудь отправиться. Кот Аскольд до сих пор не мог простить Лене, что тот в свое время лишил его отличной охоты на хомяка. Это было в памятный день, когда Персик по глупости забежал к ним в квартиру.

Нынче ночью Маргарита Степановна проснулась оттого, что в лицо ей тыкалось что-то пушистое.

– Персик, – сонно пробормотала она, – снова тебе неймет-ся?

Тут она осознала, что ей некомфортно, и, окончательно проснувшись, определила, что хомяк совершенно мокрый и полез в хозяйскую постель именно потому, что замерз. Маргарита Степановна забеспокоилась и выбралась из кровати.

На полу в коридоре подсыхали следы крошечных лапок, которые шли из ванной. Маргарита Степановна, не подумав, открыла дверь шире, и в коридор тут же выплеснулась вода. От ее оглушительных криков проснулся муж Вова. Совместными усилиями супруги определили, что вода льется из-под ванной. Пока вытирали лужу, пока искали хомяка, который в процессе уборки куда-то делся, наступило утро. Невыспавшийся Вова заторопился на работу, а Маргарита Степановна села на телефон вызывать сантехника.

Люди бывалые прекрасно знают, что дело это нервное и чрезвычайно хлопотное. Маргарита Степановна едва не сорвала голос, препираясь с диспетчером. Тот, тоже тертый калач, пытался отфутболить ее к аварийке.

– Знаю я вашу аварийку, – отвечала многоопытная Маргарита Степановна. – Приедут, отключат воду во всем подъезде и уедут. А мне потом с соседями разбираться. Нет уж, пускай сантехник придет и сразу починит.

Наконец у нее приняли вызов. Маргарита Степановна перевела дух и занялась домашними делами.

Однако время шло, тазик под ванной наполнялся, а сантехника дяди Феди не было и в помине.

Каждый из жильцов, имевший дело с дядей Федей, неизменно задавался вопросом: почему даже в их элитном доме сантехник – пьяница и лентяй?

На все требования сменить персонал управдом Сан Саныч отвечал, что дядя Федя хоть что-то умеет, остальные же полностью косорукие и мигом доломают у жильцов всю импортную сантехнику.

Прождав дядю Федю несколько часов, Маргарита Степановна озверела и решила жаловаться управдому.

Управдом Сан Саныч был человеком многоопытным. Жалобы жильцов ударялись в его круглый внушительный живот и отскакивали, как резиновые мячики от кирпичной стенки. Но Маргарита Степановна уже дошла до точки кипения, и управдом пообещал дядю Федю срочно отыскать.

Возвращаясь после непростого разговора с управдомом, усталая Маргарита Степановна увидела на своей площадке двух мужиков в аккуратных синих комбинезонах с буквами «Санремсеть». Сердце ее защемила сладка тоска.

– Дорогие мои! – Она подбежала и попыталась расцеловать старшего из них, от чего, надо сказать, он ловко уклонился. – Золотые! Вы давно меня ждете? А я-то управдома пытаю: где сантехник, где сантехник...

С этими словами она распахнула дверь и потянула за ручку младшего.

– Тетя, – тот вырвал руку, – мы вообще-то не к вам.

– Как это не ко мне? – Маргарита Степановна до того возмутилась, что даже не обиделась на «тетю». – А к кому же еще?

– Дама, мы вот напротив... – Старший сантехник незаметно оттирал от нее второго.

– Ничего не знаю! – проорала Лола из-за своей двери. – Никого не вызывала!

– Вот видите! – обрадовалась Маргарита Степановна. – Там вас не вызывали.

– Значит, мы дом перепутали. – Сантехники переглянулись и стали отступать к лифту.

– Нет уж! – Маргарита Степановна вцепилась теперь в старшего. – Никуда не пушу! А ну, заходи в квартиру!

– Да отвали ты!

В этот момент двери лифта распахнулись и выпустили дядю Федю. Он был сильно поддавши и оттого в наипрекраснейшем расположении духа.

– Степановна, я пришел! – возвестил он. – Ща мы твой засор мигом устраним!

– У меня не засор, у меня потоп!

– Пото-оп? – окончательно расцвел дядя Федя. – Ликвидируем! А это кто такие? – Он с подозрением уставился на мнимых сантехников. – Это ты, значит, кого-то другого вызывала? А для чего тогда занятого человека дергать?

Дядя Федя был известен в доме не только ленью, но и гипертрофированной обидчивостью. Маргарита Степановна прикинула, что этих двоих она видит впервые, а если поссориться с дядей Федей, тогда всю жизнь придется менять тапки под ванной.

– Да я их знать не знаю! – Она прижала руки к внушительному бюсту. – Это вот к ней! – И Маргарита махнула в сторону Лолиной двери.

– Никого не вызывала! – снова проорала Лола.

– Ах, вот значит как. – В проспиртованной голове дяди Феде что-то переклинило и коротнуло. – Стало быть, калымите на моей территории самовольно?

Он шагнул к конкурентам, сжимая в руке разводной ключ. Дверцы лифта распахнулись, и двое подозрительных мужиков поспешно вошли в кабину. Перед тем, как покинуть их этаж, старший быстро и без замаха ударил дядю Федю в живот. От этого удара дядя Федя утробно ухнул и согнулся пополам, как перочинный ножик.

Лифт уехал. Маргарита Степановна всплеснула руками и потащила дядю Федю к себе. Лола так и не осмелилась открыть дверь.

У Маргариты Степановны дядя Федя, охая и держась за живот, протопал в ботинках прямо в гостиную и прочно улегся на диван.

– Умираю! – подвывал он. – Ща живот лопнет!

Маргарита Степановна метнулась в прихожую за телефоном. Из-под двери ванной с тихим журчанием вытекала вода.

Лола была в таком состоянии, что можно только удивляться, как ей удалось приготовить вполне приличный обед. Видно, сказалась железная выучка тетки.

«Что бы ни случилось, – говаривала тетя Каля, – мужчина не должен думать на пустой желудок. Ты сперва накорми человека как следует и только потом излагай ему свои проблемы. А лучше вообще ничего не излагать, самой разобраться с неприятностями».

Сейчас Лола едва сдержалась, дожидаясь, пока Леня закончит обед.

– Так я и думал, – мрачно сказал он, выслушав всю историю.

Понятно, он не мог не заметить, как Лола подавлена. Опять же, после сытного обеда ругаться совершенно не хотелось, так что послеобеденные часы прошли вполне мирно.

Лола до самого вечера просидела дома, даже отменила запланированный поход к парикмахеру. Маркиз тоже был дома, наводил порядок в своих музыкальных записях. Однако ближе к вечеру ему позвонили.

Звонил старинный знакомый Гарик Уточкин, ныне всемирно известный фокусник Игорь Уи. Знакомство относилось ко временам славного прошлого, когда Леня еще не занимался честным отъемом денег у населения, а трудился на зарплату в системе Союзгосцирка. Ныне Игорь большую часть времени проводил на гастролях и сейчас оказался в нашем городе проездом, точнее, пролетом, из Мельбурна в Вальпараисо. Оказавшись здесь, он захотел увидеть старого приятеля и пригласил Леню к себе в гостиницу.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.